Волков Матвей (8 класс)

«Роль Александра I в Отечественной войне 1812 года»

Работа заняла II место на Городских патриотических чтениях имени маршала А.М. Василевского «Герои Отечества» в секции «Они сражались за Родину» Научный руководитель: преподаватель истории и обществознания Лицея № 1 «Спутник» Шутько Михаил Юрьевич

Введение

Отечественная война 1812 г. до сих пор остается одной из самых славных страниц военной истории России, примером героизма русского солдата и всего русского народа, сумевших одолеть очень сильного противника, которым являлась прекрасно снаряженная и обученная армия Наполеона.

Отечественная война длилась сравнительно недолго, меньше года, особенно если сравнить ее с многолетней Кавказской войной или Крымской войной середины XIX века. Однако ни одна другая война XIX столетия не ставила на повестку дня вопрос о территориальной целостности и национальной независимости самого российского государства.

В истории Отечественной войны 1812 года значительную важность представляет вопрос о роли императора Александра I (1801-1825) в войне. Сыграл ли правитель России реальную роль в победе над Наполеоном или занимал чисто декоративное место в военных и политических баталиях?

Вообще, первая четверть XIX века наиболее сложный, насыщенный противоречиями и своеобразным драматизмом период в истории нашего государства. В центре интереса при изучении этой эпохи, безусловно, встает фигура императора Александра I. Он являлся одним из тех государей в российской истории, чья жизнь и деятельность привлекала активное внимание современников и продолжает вызывать интерес у исследователей и сегодня. Во многом причиной тому была личность самого правителя, которого за 200 лет наградили многочисленными эпитетами – от «ангела» до «деспота».

Фигура Александра была настолько заметной на европейской арене, что первая четверть XIX в. была поистине не только эпохой наполеоновских войск, самого Наполеона, но и временем, которое с полным основанием может быть названо эпохой Александра I.

Личность Александра I привлекала внимание многих историков, делавших особый акцент на изучение политической деятельности императора. Однако — это время не только горьких разочарований, но и великих побед, которые возникли благодаря происходящему на этом этапе кардинальному переустройству Русской армии. Несмотря на значимость проблемы Отечественной войны 1812 г. в русской истории XIX в., многие вопросы личного участия первого государственного лица в процессе строительства

Русской армии, в ходе Отечественной войны 1812 г. находились на втором плане либо вообще выпадали из поля приложения научного интереса.

Исходя из этого, в современной исторической науке особую актуальность приобретают вопросы деятельности Александра I именно в области оценки его вклада в победу в Отечественной войне.

Объектом данного исследования является личность императора Александра I.

Предметом изучения является деятельность Александра I во время Отечественной войны 1812 г.

Целью данного исследования является изучение и оценка роли Александра I в Отечественной войне 1812 года.

Для достижения указанной цели автором были поставлены следующие задачи:

- оценить роль Александра I в планировании военных действий;
- проанализировать значение деятельности императора в организации народного ополчения;
- определить значение личности Александра I в освобождении Европы.

1. Роль Александра I в планировании военных действий

Прежде всего, следует определить тот круг лиц, который занимался планированием военных действий в русской армии. Этот вопрос в некоторой степени освещен советским историком В.В. Пугачевым. План, считал он, готовился в глубочайшей тайне и «разрабатывался путем непосредственного сотрудничества с царем отдельных лиц» . При этом руководящую роль играл Александр І. Фактическими составителями были М.Б. Барклай де Толли и генерал Карл Фуль, а о некоторых деталях знали А.А. Аракчеев и П.М. Волконский. Но этот вывод Пугачев сделал на основе косвенных источников. Совершенно очевидно лишь то, что руководителем этого процесса являлся сам Александр І как глава государства, а первым его помощником был Барклай де Толли и как военный министр, и как генерал, воинские способности которого российский император высоко ценил.

Каковы же были стратегические взгляды самого Александра I весной и летом 1812 г.? До этого времени император принимал и отвергал различные военные планы, включая наступательные действия в Европу. С весны 1812 г. у него и его ближайшего военного окружения господствовало мнение о необходимости ведения затяжной оборонительной войны. В отечественной историографии даже сложился набор хрестоматийных высказываний и цитат из переписки Александра I о его твердом намерении не заканчивать войну, даже если войска Наполеона дойдут до Волги или русским придется отступать до Камчатки². Основания для этого предоставил «Рескрипт Александра I председателю Государственного совета и Комитета министров фельдмаршалу Н.И. Салтыкову о вторжении армии Наполеона и начале военных действий» от 13 июня 1812 г., в котором, в частности, император писал: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем»³.

На взгляды Александра I как политического руководителя оказали решающее влияние несколько факторов. Первое - внешнеполитический момент. Австрия и Пруссия перед войной выделили в состав Великой армии ограниченные по численности контингенты. При активном русском наступлении Наполеон мог оказать давление на своих союзников и потребовать от них выделения более значительных сил. Поэтому стояла задача не допустить увеличения численности прусских и австрийских войск, действовавших против России. Учитывался и принимался во внимание политический и общественный резонанс в европейских странах - кто в глазах всего мира будет считаться агрессором, кто будет ответственным и виновным за развязывание войны.

¹ Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. Сб. ст. - М., 1961. - С. 33.

² Предтеченский А. Отечественная война 1812 года // Исторический журнал. - 1941. № 7-8. - С. 81.

³ Рескрипт Александра I председателю Государственного совета и Комитета министров фельдмаршалу Н.И. Салтыкову о вторжении армии Наполеона и начале военных действий от 13 июня 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 14.

Безусловно, на мнение царя повлияли и итоговые данные разведки о значительном неравенстве сил противника и русских армий, а также рекомендации разведчиков. Учитывались внутриполитические моменты, в частности, оппозиционное отношение польского дворянства западных районов России, и чисто военные факторы - необходимость подхода регулярных частей из Финляндии и Молдавии, а также подготовка формирующихся внутри страны резервов. Трезвый политический расчет и анализ соотношения сил диктовали неизбежность затягивания войны для выигрыша времени.

Собственно, от Александра I зависели в первую очередь выработка долгосрочной стратегической концепции и определение государственной политики. Большинство исследователей в том или ином виде согласны в вопросе об утверждении стратегии отступления для достижения победы. Скорее всего, эта стратегическая идея не была ограничена рамками одного года. Хорошо сказал по этому поводу В.В. Пугачев, который писал о существовании плана борьбы с Наполеоном, рассчитанного на длительный срок. Война 1812 г., по его мнению, рассматривалась тогда как первый этап, а в дальнейшем предусматривался перенос военных действий в Европу¹. Причем большая ставка делалась на освободительное движение против Наполеона. Перед войной Александр I, писал Барклаю: «...укрепите вашу душу великою целью, к которой мы стремимся: избавить человечество от ига, под коим оно стонет, и освободить Европу от цепей»².

Стратегический план существовал как руководящая идея и, вероятно, окончательно оформился весной 1812 г. Прямых письменных свидетельств о его разработке не осталось. Из концепции стратегии вытекал операционный план, по сути представлявший собой составную часть первого этапа стратегической программы на 1812 г. Процесс разработки операционного плана начался с 1810 г. и продолжался до начала войны.

Штабы разрабатывали планы, основывая их на принципиальных решениях ответственных командиров. Единственный, кто из царского окружения мог претендовать на эту роль, был Барклай де Толли. Как военный министр он отвечал в целом за подготовку к войне, как генералу ему вверялась самая большая по численности 1-я Западная армия. В записке «О защите западных пределов России», представленной царю 2 марта 1810 г., Барклай предложил, используя «входящий угол» между Западной Двиной и Днепром, организовать на этих реках оборонительные линии. Предполагалось, что войска, состоящие из 15 дивизий и разделенные на три армии, после оказания сильного сопротивления, отойдут на подготовительные рубежи обороны. Но из анализа записки видно, что отступление не рассматривалось как основное средство борьбы. Барклаем была высказана общая установка - «действовать по обстоятельствам и при случае наступательно», также предполагалось при нанесении главного удара Наполеоном на юге или на севере русское продвижение вперед на слабейший неприятельский фланг в Пруссию, или

1 Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 40.

² Цит. по: Портреты участников Отечественной войны 1812 г. - М.: Владос, 2006. - С. 172.

герцогство Варшавское. Только в случае действий основных сил противника на наш центр (что считалось маловероятным.) резервные войска должны были медленно отступая, увести «его за собою далее внутрь края, дабы фланговые армии вернее могли окружить его, отрезать от продовольствия и истребить все его силы»¹. Среди историков, характеризовавших записку Барклая, наиболее верную оценку дал ей В.В. Пугачев, как набросок плана и план подготовки к войне².

Впоследствии Барклай предлагал делить войска на две армии, расположенные на флангах и центральный обсервационный корпус. Именно такая дислокация русских частей сохранялась до весны 1812 г.

В то же время, летом 1811 г., царь, по общему утверждению, неофициально утвердил план генерала Фуля. Прусский военный теоретик барон Карл Людвиг Август Фуль (Пфуль) служил в прусской армии офицером Генштаба, полковник. После поражения Пруссии в 1806 г. перешел по приглашению императора Александра I на русскую службу в чине генералмайора и вскоре стал ближайшим военным советником царя. Будучи последователем А. Бюлова и "чистым" теоретиком, оторванным от боевой практики войск, Фуль считал, что не бой, а маневр решает исход военных действий. В 1811 г. он был привлечен к составлению стратегического плана войны с наполеоновской Францией и предложил план оборонительной войны, основанный на взаимодействии двух армий, из которых одна (1-я) должна была, опираясь на Дрисский лагерь, сдерживать противника, а другая (2-я) действовать ему в тыл³.

По мнению В.В. Пугачева, «создалась парадоксальная ситуация - у России имелось теперь два фактически утвержденных плана подготовки к войне... если по барклаевскому плану велась фактическая подготовка, то план Фуля по существу не оказал никакого влияния на русские военные приготовления > 4. Необходимо что большинство авторов заметить, предвоенных планов выступали за ведение оборонительных действий, и среди них проект Фуля отличался лишь деталями, суть которых состояла в создании фланговой позиции, ставившей под угрозу коммуникационную линию противника. При сравнении планов Фуля и взглядов Барклая надо сказать, что в основе их лежала однотипная концепция. Однако по замечанию В.В. Пугачева, идеи Фуля были изложены «в такой педантично-абстрактной, не считающейся с реальностью форме, что его предложения не могли осуществиться даже в самой минимальной степени»⁵. Это мнение ученого наталкивает на мысль, что план Фуля уже в 1811 г. должен был маскировать настоящий ход подготовки к войне. Кроме того, несмотря на формальный момент сходства, планы Фуля и Барклая по существу были противоположны в предлагаемых мероприятиях для реализации отступления. Проекты Фуля

¹ Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. - М.: Росмэн, 2005. - С. 91.

² Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 34.

³ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. - М.: Росмэн, 2004. - С. 372.

⁴ Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 34.

⁵ Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 37.

четко, чуть ли не по часам, регламентировали все действия войск и тыловых учреждений, привязывали все передвижения армий вне зависимости от возможных, ситуаций к избранной им фланговой позиции, которая мыслилась как панацея от полководческого гения Наполеона.

Напротив, в представленных на рассмотрение планах Барклая присутствовала мысль, что реальности войны могут оказаться богаче довоенных представлений и предвидений. Его фраза «действовать по обстоятельствам» звучала как лейтмотив, и она очень часто встречалась в деловой переписке военного министра. приказах, предшествующих войн глубоко видоизменил и тактику боевых действий и саму русскую военную доктрину. По мысли В.М. Безотосного, Барклай де Толли понимал, что «командующему необходимо предоставить широкую самостоятельность в выборе тактических решений, а не сковывать жесткими рамками планов, расписанных с прусской методичностью и мелочностью. Не случайно в его проектах сразу закладывалось несколько возможных ситуаций, лишь контурно определялись действия русских частей и не ставились точные ограничения в географических пределах, что создавало предпосылки для проявления инициативы младшим военачальникам. Инвариантность - вот принципиальное отличие взглядов Барклая фулевских OT плановрегламентов ^{1} .

Затруднительно точно сказать, были ли приняты все предложения Барклая де Толли, но в конце января Александр I утвердил ряд важнейших законодательных актов, касающихся армии, и началась концентрация войск к западной границе.

К весне 1812 г. прояснилась политическая ситуация и в Петербурге было проведено несколько совещаний, в ходе которых была произведена корректировка планов с учетом внешнеполитических изменений. Была выработана идея операционного плана и принято решение при приближении Великой армии перейти первыми границу, а затем начать отступать на свою территорию, тем самым затруднить движение противника. Предполагалось, что Наполеон основные силы соберет в районе Варшавы, поэтому наступать будет 1-я Западная армия, а армия Багратиона начнет отступление на Житомир и Киев. Глубина фронта русских действий на территории противника предполагалась минимальной, тем более, что Наполеон форсировал движение к русским границам².

Если русская стратегия к этому времени была уже выработана, то операционный план не был окончательно оформлен. В письме к Барклаю от 7 апреля 1812 г. Александр I писал: «Важные обстоятельства требуют зрелого рассмотрения того, что мы должны предпринять. Посылаю вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если наши войска сделают шаг за границу, то война неизбежна, и по этому договору австрийцы окажутся позади левого крыла наших войск... При приезде моем в Вильну окончательно определим

² Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. - М.: Наука, 1988. - С. 41.

¹ Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. - С. 92.

дальнейшие действия. Между тем примите меры к тому, чтобы все было готово и если мы решимся начать войну, чтобы не встретилось остановки»¹.

С приездом Александра I в Вильно 14 апреля 1812 г. начался заключительный этап выработки русского плана. В этот период приобрели особое значение сведения, добываемые разведкой, и они повлияли на изменения в расположении войск и составлении планов командования.

Уже весной 1812 г. благодаря разведке, все симптомы нападения Наполеона на Россию стали настолько явными, что официальные круги осознали неизбежность скорой войны. Так, например, после инспекционной поездки Александра I перед войной в 1-й пехотный корпус штабные офицеры П.Х. Витгенштейна уже отвечали на распросы своих коллег о будущих действиях: «Мы будем отступать», - «Далеко ли?» - «Хотя бы и до Волги»².

В это же время было решено использовать средства, которые больше соответствовали реальным возможностям страны и соотношению потенциалов, то есть вести борьбу на истощение противной стороны. Несмотря на известное колебание в выборе пути и средств для достижения победы, русское командование к началу войны твердо решило первое время отступать. Об этом свидетельствует служебная переписка руководителей армии и комплекс мер, осуществленный накануне войны по эвакуации территории: вывоз ценностей, архивов, продовольствия и людей, реквизиции и уничтожения мельниц, магазинов и т.д.³

Перед войной были проведены и мероприятия по дезинформации противника. Так, например, с целью скрыть от противника «действительные намерения в отношении первых движений» Александр I вместе с Беннигсеном демонстративно осмотрели местность около Вильно. Это даже встревожило Фуля, боявшегося, что царь решится дать здесь сражение⁴. Поэтому во французских штабах на основе ложной информации разрабатывались планы разгрома 1-й Западной армии в пограничных сражениях. В связи с этим вполне понятны удивление и досада Наполеона, когда в начале войны он узнал об отходе русских войск и оставлении Вильно. Неожиданным для него оказалось и то, что Барклай, не защищая Литву, отступил к Двине⁵.

Для выявления истинного операционного замысла русского командования перед войной и роли в этом Александра I, необходимо рассмотреть ряд вопросов. В первую очередь попытаться расставить все точки над «і» по поводу плана Фуля. Необходимо отметить, что в историографии долгое время основным источником для характеристики взглядов Фуля служили воспоминания, а не авторские бумаги или официальные документы. Мемуарные же свидетельства отразили лишь уверенность современников, что русские войска начинали действовать в первый период войны, основываясь на предложениях, разработанных прусским военным стратегом. Эта же

³ Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г.: Организация, управление, вооружение. - М.: Наука, 1979. - С. 122.

¹ Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. - 1892. № 3. - С. 343.

² Там же. - С. 344.

⁴ Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 35.

⁵ Коленкур А. Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. – Смоленск: Русичь, 1991. - С. 85-86.

уверенность перекочевала и на страницы исторических сочинений, создав устойчивую репутацию автору и самому плану. Бороться с устоявшимися и принятыми на веру историографическими традициями очень трудно, тем более, что никто специально этим вопросом не занимался, несмотря на наличие литературы о плане Фуля.

В.В. Пугачев был первым из советских историков, кто обратился к первоисточникам, то есть к хранящимся в архиве запискам Фуля. После анализа документов, он пришел к категорическому выводу, что его предложения не оказали никакого влияния ни на подготовку к войне, ни на ход военных действий. Далее Пугачев постарался дать объяснение, почему все же русские войска отступали к Дриссе. По его мнению, это произошло потому, что царь, ознакомившись с планами Фуля и Барклая, не нашел никакой принципиальной разницы между ними¹. Но это слишком упрощенное объяснение, по которому можно сделать ряд дополнений.

Во-первых, несмотря на общую доминирующую идею отступления, планы все же были диаметрально противоположными по предлагаемым способам реализации этой идеи.

Во-вторых, вряд ли можно до такой степени принижать в тот критический для государства момент аналитические способности бесспорно умного человека, каким был Александр I, что он не смог разглядеть бросающиеся в глаза противоречия между проектами своего советника-теоретика и опытного практика - военного министра. «Сомнительно, - как справедливо считает В.М. Безотосный, - чтобы русский император, предпочитавший всегда занятия военными делами гражданским, оказался настолько неграмотным в военном отношении и не отличил существенные расхождения во взглядах двух авторов»².

В-третьих, план, составленный Фулем в 1811 г. не отвечал реальным требованиям сложившейся перед войной обстановки. Самое главное, он не знал не только разведданных о противнике, но даже не располагал нужными сведениями о численности и состоянии русских войск на границе (напротив, о том и другом был прекрасно осведомлен Барклай).

С точки зрения В.М. Безотосного, Александр I скорее всего еще в 1811 г. почувствовал со стороны генералитета негативное отношение к Фулю и постарался всеми способами использовать и увеличить это недовольство, искусно выталкивая в первые ряды высокомерную особу своего советника. Предвидя, что идея отступления не станет популярной, а у многих вызовет ропот, царь старался ладить и заигрывать с армией как с силой, от настроения которой очень много зависело. Ему было крайне важно контролировать и направлять мнение военных кругов, в жертву которым во избежание прямого конфликта готовился сначала Фуль, а затем настала очередь Барклая³.

¹ Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 39.

 $^{^2}$ Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. - С. 101.

³ Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. - С. 102.

Пожалуй, это единственное реальное объяснение, почему план Фуля, как таковой, не играл никакой роли в подготовке и в ходе первого этапа войны.

Для прояснения вопроса об операционном плане необходимо также четко определить, кто же командовал русскими войсками в начале войны, ведь между любым замыслом и результатом стоит исполнитель. Он может совершенствовать замысел, а может и исказить. В.В. Пугачев считал, что фактическим главнокомандующим был Александр I^1 . Действительно, на основании § 18 «Учреждения для управления Большой действующей армии», царь, прибыв к армии, автоматически становился ее главнокомандующим. Этот параграф гласил: «Присутствие императора слагает Главнокомандующего начальство над армиею, разве бы отдано было в приказе, что главнокомандующий оставляется в полном его действие»². Соответствующего приказа отдано не было.

Многие современники, входившие в окружение царя, имели основание считать императора главнокомандующим армии. Так, например, перед войной флигель-адъютант А.И. Чернышев, находясь в Вильно, написал в поднесенном Александру I проекте: «Так как Его Императорскому Вел-ву угодно было встать лично во главе своих армий...»³.

Военный министр OT имени царя отдавал приказы главнокомандующим, что в некоторой степени ставило его выше П.И. Багратиона и А.П. Тормасова. Но в своей армии он не мог чувствовать себя полноправным хозяином и считал себя первым помощником императора. В первом приказе, изданном Барклаем в начале войны, речь шла о царе, как о начальствующем над армией. В приказе говорилось: «приспело время... предводимым самим монархом, твердо противостать дерзости и насилиям...»⁴. Не случайно в письме к Александру I о необходимости его отъезда из армии, авторы этого послания адмирал, государственный секретарь А.С.Шишков и А.А.Аракчеев, первую причину видели в том, что «государь император, находясь при войсках, не предводительствует ими, но представляет начальство над оными военному министру, который, хотя и называется главнокомандующим, но, в присутствии его величества, не берет на себя в полной силе быть таковым с полной ответственностью»⁵. Фактически же царь постоянно вмешивался в управление и старался направлять ход событий. Даже корпусные командиры, не говоря уже о Багратионе и Платове, были обязаны представлять ему рапорты, сверх присылаемых Барклаю. Такое положение очень устраивало монарха. Неудачи можно было списать на военного министра, а лавры побед присвоить себе. Подтверждением тому, что царь предвидел ситуацию в случае неудачи, можно найти в его письме к Барклаю

 $^{^{1}}$ Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 32-33.

² Учреждение для управления Большой действующей армией // Гроза двенадцатого года. Документы, письма, воспоминания. - М.: Молодая гвардия, 1991. - С. 489.

³ Цит. по: Александр I в воспоминаниях князя Меттерниха // Гроза двенадцатого года. Документы, письма, воспоминания. - М.: Молодая гвардия, 1991. - С. 504.

 $^{^4}$ Приказ военного министра М.Б. Барклая де Толли от 12 июня 1812 г. // Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. док. - М., 1962. - С. 139.

⁵ Цит. по: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. - С. 48.

от 24 ноября 1812 г. «Принятый нами план кампании, - писал Александр I, - по моему мнению, единственный, который мог еще иметь успех против такого врага как Наполеон... неизбежно должен был, однако, встретить много порицаний и несоответственной оценки в народе, который... должен был тревожиться военными операциями, имевшими целью привести неприятеля в глубь страны. Нужно было с самого начала ожидать осуждения, и я к этому подготовился... Как только план был принят, нужно было подготовить все для его исполнения. Мы вполне располагали для этого временем и, однако, многого не было сделано». Далее, император высказал претензии Барклаю, перечислив ряд мероприятий, на которых он настаивал и которые не были выполнены¹.

Текст письма говорит о том, что Александр I под творцами и исполнителями плана имел в виду только себя и своего министра. Из письма, правда, неясно, как подготовился, ожидая «с самого начала ...осуждения». В данном случае, он подставил сначала Фуля, сделавшегося первым объектом «осуждения» военными кругами, второй жертвой для общественного мнения России стал сам Барклай. Перед отъездом из армии русский монарх обсуждал с ним расстановку сил и действий против Наполеона².

Следует заметить, что полных оснований говорить о военном единоначалии Александра I пожалуй нет, но в дуэте «император - военный министр» первую скрипку должен был играть император, возложивший на себя контрольные функции; он же выступал координатором действий всех армий. Барклай как практик являлся главным советником и исполнителем царских идей. В решении практических вопросов ему предоставлялась самостоятельность, она ограничивалась силой иерархического НО И неравенства. Барклай как личность, проигрывал перед искушенным в интригах венценосным дипломатом. Что же касается общего планирования, то идея отступления, по-видимому, разрабатывалась Александром I вместе с Барклаем, но главную роль играл все-таки царь. Он же в начале войны попытался взять на себя общее руководство. Это оказалось ему не под силу. Когда из-за ряда совершенных ошибок события вышли из-под контроля и сложилась непредусмотренная планами ситуация, чреватая серьезными осложнениями, царь незамедлительно покинул войска, главнокомандующих самим искать выход из создавшегося положения.

Принятая оборонительная стратегия повлияла и на выработку операционного плана военных действий. Разбирая прямо противоположные обещания Барклая о своих намерениях 10 августа 1812 г., В.В. Пугачев дал разумное объяснение непоследовательности главнокомандующего 1-й Западной армии: «...из-за враждебности армии и общества... Барклай делал вид, что готов перейти в наступление, что отступает лишь по частично тактическим причинам и т.д.»; «...Барклай лишь говорил о сражении, стараясь

10

¹ Александр I, император. Пять собственноручных его писем в 1812 г., опубликованных в журнале «Русская старина» в 1902 г. // Военский К. Отечественная война в русской журналистике. - М., 2007. - С. 6.

² Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. - С. 106.

успокоить противников отступления, а на самом деле собирался отступать в течение длительного времени»¹. Подобные объяснения представляются верными и в других конкретных случаях.

Операционный план или, что вернее, представление о предполагаемых тактических действиях русских войск, был обусловлен стратегической концепцией и разрабатывался совместно Барклаем и Александром I, но преобладающая роль как практику, принадлежала военному министру, царь же лишь выполнял контрольные функции.

Действия русских войск как обороняющейся стороны были поставлены в зависимость от направления движений основных сил Великой армии, поэтому вследствие поступления разведданных, вносились изменения и план постоянно корректировался. Как предполагалось действовать в начале войны, ясно из инструкции П. И. Багратиону от 12 июня 1812 г. Барклай считал, что главные силы Наполеон сосредоточил между Ковно и Меречью, поэтому М. И. Платову предписывалось от Гродно действовать на тыл переправившегося противника, Багратион же должен подкрепить эти действия. 1-я Западная армия должна была начать отходить к Вильно, а затем к Свенцанам. Маршрут отступления 2-й армии намечался через Минск к Борисову².

Вследствие приказа Александра I, полученного Багратионом 18 июня, был изменен маршрут отступления 2-й Западной армии, и она, двинувшись в новом направлении на Новогрудок, не смогла своевременно прикрыть дорогу на Минск. Таким образом, из-за не совсем точной оценки предполагаемых движений французских корпусов и ошибочного приказа царя, русские армии оказались в критическом положении и в самом начале войны вынуждены были отказаться от действий согласно операционному плану.

Таким образом, можно констатировать, что русские войска в первый период войны не имели четкого операционного плана и в своих действиях руководствовались лишь стратегической концепцией ведения войны и вытекавшими из нее установками.

В самом начале войны именно Александр I являлся первым лицом при составлении стратегических и оперативных планов, именно его мнение было решающим как главнокомандующего. Сами планы разрабатывал военный министр М.Б. Барклай де Толли, исходя из видения ситуации Александром.

2. Александр I и организация народного ополчения

Война 1812 г. осталась в сознании русского народа как война Отечественная. В этой войне русский народ не только отстаивал целостность русского государства и независимость своего отечества. Отечественная война 1812 г. была решающим звеном борьбы всех народов Европы против стремления Наполеона утвердить гегемонию Франции и создать мировую империю. Поставив перед собою цель - создать мировую империю, Наполеон

_

¹ Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года. - С. 44-45.

² Монахов А.Л. М.Б. Барклай де Толли и планы наступательной войны в 1811-1812 гг. // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. - М., 2001. - С. 106.

вел одну за другой, кровавые войны. К началу 1812 г. вся Европа была у его ног. На пути к мировому господству оставалась лишь одна Россия, способная противостоять наполеоновским захватам.

Наполеон бросил на Россию огромную по тому времени армию, насчитывавшую 640 тыс. человек. Смертельная опасность, нависшая над Россией, обусловила широкую социальную базу для организации борьбы против агрессии Наполеона. П.И. Багратион справедливо отметил, что «война теперь не обыкновенная, а национальная» В нее включились все слои населения России.

Русское правительство не могло противопоставить наполеоновской армии столь же крупные силы. Рекрутская повинность ограничивала, возможность создания массовой армии. Обстановка же требовала немедленного получения резервов, без которых нельзя было устоять в борьбе.

Поэтому император Александр I и русское правительство решились созвать ополчение. В данных условиях это был единственный способ увеличения численности вооруженных сил страны. В справедливости этого убеждал не только опыт созыва ополчения в России во время войны с Наполеоном в 1806-1807 гг., но и опыт других стран, в частности Испании².

Отдельного упоминания заслуживает «Манифест Александра I с призывом о создании ополчения». Императору удалось найти яркие и убедительные слова, образные выражения и сравнения, которые не могли оставить равнодушными всех ознакомившихся с этим манифестом людей. Александр призывал вспомнить героические страницы истории России, когда именно народ решал судьбу страны.

Вот что, в частности, говорилось в этом манифесте: «Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь, бога, поставляем в преграду ему войски наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимонужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

...Ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и

12

¹ Багратион П.И. Записки // Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. - Л.: Наука, 1945. - С. 216.

² Мухин А.А. Отечественная война 1812 года. - Иркутск, Иркутское книжное издательство, 1962. - С. 87.

покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России... Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина... Народ русской! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и титров. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»¹.

Становясь на путь созыва ополчения в 1812 г., русское правительство учло опыт 1806-1807 гг. и объявило, что ополчение формируется только на время войны. Оно обязалось распустить все ополчения немедленно по окончании военных действий. В «Манифесте Александра I об организации округов ополчения» об этом говорится следующим образом: «...вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, устрояемое верных ополчение, временное сынов России предосторожности в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения отечества. Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды, и по прошествии надобности, т.е. по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честию и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям ^{2} .

Решение правительства созвать ополчение в значительной мере явилось официальным оформлением и официальным одобрением начавшегося движения среди народа. Стремясь взять дело организации и устройства ополчения в свои руки, правительство создает специальный комитет в Петербурге, перед которым была поставлена задача организации ополчения и руководства им. Александром подписывается специальный «Указ Александра I Сенату о создании особого Комитета по делам ополчений»: «Для сосредоточения и совокупного соображения всех дел, до вновь образуемого, внутреннего ополчения относящихся, признав нужным учредить при лице нашем особый комитет, повелеваем присутствовать в комитете сем генералу от артиллерии графу Аракчееву, министру полиции генерал-лейтенанту Балашеву и государственному секретарю вице-адмиралу Шишкову. Доклады от комитета вносить к нам министру полиции...»³. Следует заметить, что Комитет по делам ополчения существовал до 1816 г. и деятельность его была прекращена указом Александра I Сенату от 7 декабря 1816 г.

Призыв к организации ополчения нашел весьма широкий отклик в народе. Тысячи крестьян Центральной России, Прибалтики, Украины и Поволжья хотели записаться в ополчение. Однако этот порыв не встречал

 $^{^1}$ Манифест Александра I с призывом о создании ополчения от 6 июля 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 14-15.

 $^{^2}$ Манифест Александра I об организации округов ополчения от 18 июля 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 16.

³ Указ Александра I Сенату о создании особого Комитета по делам ополчений от 31 июля 1812 года // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 17-18.

поддержки со стороны правительства, которое, видимо, боялось слишком широкого размаха движения. Ф. Глинка, уловивший эти опасения, писал: «Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки»¹.

В итоге правительство решило ограничить район непосредственного формирования ополчения 16 губерниями, которые были распределены по трем округам: 1-я округа — Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская губернии; 2 округа — Санкт-Петербургская и Новгородская губернии; 3-я округа — Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская, Вятская губернии². Это решение обусловливается рядом соображений. С одной стороны, нужно было продолжать наборы рекрутов для комплектования кадровых частей. Эту задачу выполняли те губернии, которые не вошли в состав «ополчающихся». С другой стороны, правительство опасалось, что движение может принять нежелательные формы. Кроме того, ополчение создавалась непосредственно в тех губерниях, вторжением в которые угрожал неприятель. Все остальные губернии должны были формировать ополчения при необходимости: «все прочие губернии остаются без всякого по оным действия, доколе не будет надобности употребить их к равномерным отечеству жертвам и услугам»³.

Формирование ополчения I и II округов осуществлялось в течение августа - октября 1812 г. Формирование же ополчений III округа затянулось до начала 1813 г.

В губерниях, давших ополченцев, проживало б 733 901 крестьянин. Оли должны были поставить в общей сложности 203 тыс. ратников⁴. Если крестьяне сразу откликнулись на призыв, то по-другому повело себя дворянство. Не желая терять наиболее трудоспособную рабочую силу, дворяне затягивали экипировку ратников и посылку их на пункты формировавши. С большим трудом дворяне отпускали средства на продовольствие ратников. Но самое главное, многие дворяне не хотели идти в ополчения и занимать там офицерские должности. Они считали, что их жертва на алтарь отечества достаточна, раз им приходится отпустить в ополчение принадлежащих им крепостных. Начальники многих ополчений жаловались в Петербург на уклонявшихся дворян. Но комитет был бессилен заставить таких «патриотов» выполнить свой долг⁵. Положение с офицерским составом в ополченских полках было тяжелым. Некомплект офицерского состава в ряде полков так и не удалось восполнить. Но, конечно, так вели себя не все офицеры. Большая часть полков имела опытные кадры офицеров,

 $^{^1}$ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера // Мы были дети 1812 ода. Сб. воспоминаний. - Воронеж: Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 1989. - С. 57.

² Манифест Александра I об организации округов ополчения от 18 июля 1812 г. - С. 16.

³ Манифест Александра I об организации округов ополчения от 18 июля 1812 г. - С. 16.

⁴ Ведомость числа крестьян в губерниях, входящих в округа ополчения от 14 августа 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 18.

⁵ Доклад Комитета по делам ополчений на Высочайшее имя относительно нежелания многих помещиков отпускать крестьян в ополчение от 12 сентября 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 106.

прослуживших до этого много лет в полевой армии. Они вновь вернулись в строй и в ходе войны показали себя с хорошей стороны.

Содержание ополченцев, привлеченных к заграничным походам русской армии, было возложено на государственную казну. Александр I подписал специальный Рескрипт М.И. Кутузову на этот счет: «Ополчение, за границею находящееся, как перенесшее все трудности похода обще с армиею наравне, с нею должно быть и содержим о от казны. Посему поручаю вам предписать кому следует дать ратникам по одной паре сапогов и по одной рубахе, а суконную одежду перечинить; вовсе же негодную переменить новою. Ополчение, в границах наших находящееся, сделав менее походу, конечно, не имеет такой надобности в одежде и обуви, как состоящее при армиях, тем не менее, однако, нужно на счет казны же снабжать одеждою и с обувью тех ратников, кои износили данные им вещи, дабы сохранить людей» 1.

Несмотря на все трудности, формирование ополчений было успешно завершено. В І округе было выставлено 133 401 человек, во ІІ округе - 26 370, а в ІІІ округе - 43 659 человек. Из этого числа было сформировано 74- пеших полка, 2 батальона, 9 бригад (28 дружин), 13 конных полков и 3 сотни².

Деятельность и дислокация ополчений была четко спланирована и расписана. В специальном документе на этот счет отмечалось где конкретное ополчение находится, в чьей команде, по каким сведениям³.

Но этими формированиями дело не ограничилось. В ополчающихся губерниях стали создаваться волонтерные полки, комплектовавшиеся из жителей городов (Петербурга, Москвы и др.).

Стали формировать свои ополчения и все украинские губернии. Киевская и Подольская губернии сформировали казачью дивизию и выставили большое число «лопатников» для укрепления Киева, Черниговская и Полтавская губернии выставили несколько десятков конных и пеших полков. В целом Украина дала 13 358 конных казаков, 47493 пеших и несколько десятков тысяч погонщиков и «лопатников». Создавались ополчения также в Херсонской, Екатеринославской и Харьковской губерниях, но они были распущены. Правительство отнеслось отрицательно к «самовольным формированиям» и оставило их лишь в прифронтовых губерниях. Отдельные ополченские полки были созданы на Дону, в Башкирии и Калмыкии. Эти формирования усиливали иррегулярную конницу. Казачество Дона выставило 26 полков, Башкирия дала 20 полков, Калмыкия - 2 полка.

В ряде мест в ополчения записывались «вольные» люди - рабочие парусных мануфактур, мещане и др. Это было поистине всенародное движение, охватившее всю Россию.

¹ Рескрипт Александра I М.И. Кутузову о содержании ополчения за счет казны от 18 марта 1813 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 29.

² Ведомость о числе душ по тем губерниям, с коих взято ополчение, с показанием числа ратников от 19 сентября 1813 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 32.

 $^{^3}$ Расписание ополчений от 18 декабря 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - С. 24-26.

Таким образом, следует констатировать, что личный вклад Александра I в организацию народного ополчения был достаточно велик. Именно от него, как от первого лица государства, зависел сам факт начала организации ополчения. Его обращения к населению страны с просьбой о помощи в трудный для России час немало поспособствовали массовому стремлению записаться в ополчение. Фигура царя, слово, исходящее от него, были традиционно популярны в народе.

Кроме того, Александр сумел подобрать и поставить во главе Комитета по делам ополчений толковых исполнителей, благодаря чему ополчение не стало профанацией и оказало значительное влияние на ход военных действий.

3. Значение личности Александра I в освобождении Европы

В декабре 1812 г. русская армия, вытеснив французов из России, вышла к государственной границе России на Неман. Встал вопрос о дальнейшей судьбе кампании. М.И. Кутузов считал, что война на этом могла бы закончиться, что незачем более губить русских солдат. Престарелый фельдмаршал не без основания полагал, что падение Наполеона лишь усилит Англию и другие европейские державы вопреки России. Кроме того, он писал Александру о том, что армия измучена тяжелыми переходами и боями, что "расстройка ее дошла до такой степени, что должны бы, так сказать, снова составлять армию" 1. Однако Александром владели иные чувства. Он стремился теперь стать спасителем Европы, быть ее арбитром. Чего было больше в этих стремлениях - самодержавных претензий хозяина империи, мессианских утопий верующего, оскорбленного Наполеоном, униженного им человека? Думается, что и первое, и второе, и третье. И все же личное противоборство с Наполеоном было одной из доминант в поведении русского царя.

12 декабря, в свой день рождения, Александр, уже прибыв в действующую армию, обратился к генералам: "Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу". Император не внял опасениям командующего. Он воспротивился приостановке наступления, настаивал на том, что армия должна беспрерывно преследовать неприятеля и за границами России. С точки зрения долговременных государственных интересов России Александр, возможно, допускал серьезную ошибку². События показали, что прусский двор, английский кабинет, руководство Австрии весьма опасались, что русские остановят свои армии на границе, и тогда им пришлось бы вновь решать свои проблемы с Наполеоном, который, конечно, мог восстановить свои силы. Поэтому такую ненависть при прусском дворе вызывала позиция Кутузова, поэтому такое сильное давление было оказано со стороны английского представителя при русской армии генерала Вильсона на Александра с целью воспрепятствовать России выйти из войны. Но в этих стараниях и не было необходимости. Александр в своей борьбе с Наполеоном был неудержим.

¹ Соловьев С.М. Император Александр І. - М., 2003. - С. 112.

² Хартли Дж. Александр І. - М., 2000. - С. 119.

Теперь наступал его звездный час, и как человек, и как государственный деятель он не мог упустить свой исторический шанс. На бесповоротное сокрушение Наполеона он нацелился уже давно и настойчиво шел по этому пути. Поэтому его действия зимой 1812/13 г. были вполне логичны, последовательны и делали честь его упорству в отстаивании провозглашенных им ранее принципов. Теперь Кутузов мешал ему, и сама судьба устранила его с пути императора. Смерть фельдмаршала как бы подвела итог Отечественной войне 1812 г. и открыла эпоху похода русской армии в Европу¹.

Теперь целью Александра стали непременный захват Парижа, низвержение Наполеона. Русский царь мотивировал эту цель благородными чувствами - помощь угнетенным народам. В этом плане велось все пропагандистское обеспечение кампании. Вступление союзных войск во Францию оправдывалось необходимостью спасти французский народ от тирании Бонапарта. Мы не можем здесь не вспомнить эту решительную фразу Александра: "Наполеон или я, я или он". Кажется, это была его действительная программа не столько государя, сколько человека².

Когда после сражения под Лейпцигом Наполеон, понимая, что основные решения в стане противника зависят от Александра I, решился на переговоры, согласился отказаться от патронажа над герцогством Варшавским (на чем Александр настаивал еще в Эрфурте), уступал Голландию, ганзейские города, государства Рейнского Союза, Испанию, признавал независимость Италии и послал в русский лагерь в качестве посредника пленного австрийского генерала Мерфельда, то Александр снова не ответил на предложение Наполеона. И даже глубокой осенью и зимой 1813 г., когда в элитных кругах России крепло мнение о необходимости заключить мир с Наполеоном, так как продолжение войны не обещало пользы России и лишь могло породить против нее конфронтацию европейских государств, Александр стоял на своем; он стремился к низложению Наполеона и не желал никаких переговоров с Францией, пока во главе ее стоял Бонапарт. Причем, когда и союзники проявили колебание, Александр заявил, что он пойдет на французскую столицу с одной русской армией.

Во время заграничного похода русской армии, сражений между союзниками и Наполеоном Александр постоянно находился при армии. Но это уже был не восторженный новичок Аустерлица, а умудренный военным опытом муж, причем муж храбрый. В бою под Дрезденом на люценских полях он участвовал в руководстве войсками и стоял под огнем. Во время сражения при Бауцене Александр располагался так, что видел французского императора, а тот видел его. В битве под Дрезденом Александр едва избежал гибели. Рядом с ним разорвалось ядро, смертельно поразившее генерала Моро. В битве под Лейпцигом Александр сам в первый день командовал войсками, принял ряд ответственных решений, в том числе ввел в действие резервную артиллерию, которая повернула ход битвы в пользу союзников. Во время схватки конвоя

¹ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. - М.: Наука, 1974. - С. 127.

² Цветков С.Э. Александр Первый. - М., 2005. - С. 130.

лейб-казаков и французских кирасир император находился едва ли не в 15 шагах от сражавшихся. Личную храбрость и хорошую военную распорядительность Александр проявил и во второй день Лейпцигской битвы, а также в сражении за Париж¹.

После успеха французов под Бауценом Наполеон вновь обратился к русскому царю с мирными предложениями и вновь получил отказ. Александр проявлял твердость и далее, в течение всего 1814 г., правда, в условиях, когда чаша весов уже склонялась в пользу союзников.

Уже после торжественного вступления в Париж Александр сказал Коленкуру, тщетно пытавшемуся спасти своего императора: "Мы решили продолжать борьбу до конца, чтобы не возобновлять ее при менее выгодных обстоятельствах, и будем сражаться, пока не достигнем прочного мира, которого нельзя ожидать от человека, опустошившего Европу от Москвы до Кадикса"². Союзники заявили, что они не будут иметь дело ни с Наполеоном, ни с кем-либо из его фамилии. 6 апреля Наполеон подписал отречение, а еще через несколько дней он отбыл на остров Эльба.

В те дни Александр постоянно подчеркивал, что, борясь с Наполеоном, он остается другом французского народа. Обращаясь к французскому Сенату, он сказал: "Справедливо и разумно дать Франции учреждения сильные и либеральные, которые соответствовали бы степени настоящего просвещения". В дальнейшем, как об этом уже говорилось выше, Александр настоял на введении во Франции конституционного правления. В соответствии со своей концепцией войны против тирана, но не против нации, он приказал освободить всех французских пленных и жестоко карать русских солдат и офицеров за случаи мародерства; и он сам, и русские генералы проявляли большой такт к поверженному противнику, бережно отнеслись к захваченному ими Парижу, к его архитектурным ценностям и святыням. Позднее Александр предпринял ряд шагов, облегчавших положение побежденной Франции: содействовал уменьшению репараций, которые она должна была уплатить победителям, сокращению срока оккупации союзными войсками французской территории, стремился превратить Францию в полноправного европейского партнера и трансформировать союз четырех в союз пяти, включив Францию наряду с Англией, Россией, Австрией и Пруссией в число распорядителей европейских судеб. И к самому Наполеону после его свержения Александр более не питал личной вражды. Напротив, он проявил к нему великодушие. Александр говорил адъютанту Наполеона Коленкуру, который еще до отречения французского императора зондировал у Александра условия будущего режима для своего господина: "Наполеон несчастен, и с этой минуты я прощаю ему то зло, которое он причинил России; но Франция, Европа нуждаются в покое, а с ним они никогда не будут иметь его. Мы твердо стоим на этом решении. Пусть он требует для себя лично, чего ему угодно: нет такого убежища, которого не согласились бы предоставить ему. Если даже он пожелает принять руку,

¹ Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 г. - Саратов, 1991. - С. 164.

² Хартли Дж. Александр І. - С. 210.

которую я протягиваю ему, пусть он пожалует в мои владения, где встретит великолепный и, что еще лучше, радушный прием... Я не забуду, что должно воздать человеку столь великому и столь несчастному". Александр настоял на сравнительно мягких условиях отстранения Наполеона от власти (владение островом Эльба, огромная пенсия, 50 солдат гвардии для охраны), вопреки Талейрану, предлагавшему ссылку на Азорские острова и более жесткий режим содержания.

Однако едва весть о бегстве Наполеона с Эльбы и наступлении эпохи "ста дней" разнеслась по Европе и достигла Вены, где собрались лидеры тогдашней Европы для ее очередного передела, как Александр вновь проявил решительность и боевитость, которые во многом определили сплочение союзников и окончательное сокрушение Наполеона Бонапарта. От своей линии по отношению к Наполеону Александр не отказался и тогда, когда тот прислал русскому императору антирусский договор, подписанный недавними союзниками России - Австрией, Англией и посаженным на французский Людовиком XVIII Бурбоном. Договор был секретным предусматривал возможность совместных действий, в том числе и военных, против России в связи с серьезными расхождениями между союзниками и Россией по территориальным вопросам. Призвав австрийского министра иностранных дел Меттерниха, Александр познакомил его с документом, затем бросил бумагу в камин и сказал, что дальнейшая борьба с Наполеоном требует укрепления союзных действий ^{2} .

Это был красивый и великодушный жест, продиктованный все тем же упорством Александра в борьбе с Наполеоном, но жест, который в сложившихся условиях был совершенным донкихотством: Наполеон был обречен, а сговор "великих" держав против России обретал грозную силу. Таковым он и остался, несмотря на то, что пепел от сожженной бумаги давно уже остыл в камине: Австрия, Англия, Франция продолжали сплачиваться в противоборстве с Россией на Европейском континенте, что довольно быстро дало о себе знать на продолжавшихся переговорах в Вене, а впоследствии в Связи с событиями на Балканах в отношениях с Турцией и прямо вело к Крымской войне. Все это после раскрытия заговора держав можно было легко и предугадать, но Александр считал, что он выше этого. Он позволил себе роскошь на истинное великодушие, а в политике это, как показали последующие события, карается жестоко.

Затем последовали Ватерлоо и ссылка Наполеона на остров Святой Елены. Только там он, видимо, понял истинный смысл своих отношений и своего противоборства с Александром.

Заключение

На основе проведенного исследования мы сожжем говорить о том, что вклад императора Александра I в победу России над наполеоновской

¹ Цит. по: Архангельский А.Н. Александр І. - М., 2000. - С. 155.

² Там же. - С. 159.

Францией был достаточно велик. Как первой лицо в государстве он в нужный момент принимал нужные ответственные решения. Это касалось, в частности, жесткой позиции царя на незаключение мира с Наполеоном в разные периоды войны, назначения главнокомандующим М.И. Кутузова (человека, которого император, мягко говоря, недолюбливал), организации народного ополчения. Александр сумел перебороть в себе искушение стать верховным главнокомандующим в самом начале войны, доверив этот пост более профессиональному человеку. Александр сумел назначить адекватных и знающих людей на ключевые должности в армейских и иных структурах, что не могло не сказаться на ходе военных действий в положительную сторону.

Находясь в столице, Александр был в курсе всего, что происходило в действующей армии, отнюдь не довольствуясь официальными донесениями ее командующих. Верный своему принципу противопоставлять одних лиц другим, Александр, передав командование М.Б. Барклаю де Толли, начальником штаба назначил его соперника генерала А.П. Ермолова с правом личного доклада императору; назначив главнокомандующим Кутузова, начальником штаба поставил личного его недруга генерала Л.Л. Беннигсена, доносившего царю о всех шагах Кутузова.

Русские войска с боями, организованно и в полном боевом порядке отступали. Наполеон убедился еще до подхода к Смоленску, что предстоит длительная и изнурительная кампания. Из Смоленска он отправил пленного генерала П.А. Тучкова к Александру I с предложением мира, но оно осталось без ответа. Позже Наполеон, находясь в Москве, несколько раз обращался к царю с подобными предложениями, но все они были отвергнуты. Еще перед началом войны, видя ее неизбежность, Александр заявил: «Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России». Когда война разразилась, он неоднократно заявлял о своей готовности «истощить все силы империи, дойти до Камчатки», но не заключать мира с Наполеоном. Узнав о взятии Москвы, Александр сказал: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор своего отечества».

Война 1812 г. явилась поистине всенародной, освободительной войной, и это обеспечило победу над агрессором. 25 декабря 1812 г. был издан царский манифест, возвестивший об окончании Отечественной войны. Но победоносное окончание кампании 1812 г. не означало, что невозможна новая агрессия. Сам Наполеон считал, что война против России не закончена. Но теперь военные действия велись уже за ее пределами.

Александр I расценивал продолжение борьбы за пределами России как достижение своей цели - низвержения Наполеона. «Не заключу мира, пока Наполеон будет оставаться на престоле», - открыто заявил он. Добивался он также и восстановления «легитимных», т.е. абсолютистских, режимов в Европе. Военные успехи России сделали Александра вершителем судеб Европы, после которых он находился в зените величия и славы.

Так получилось, что война заняла центральное место в жизни Александра I, но несмотря на традиционное увлечение армией, парадами, она вовсе не стала его второй натурой. В целом он весьма достойно пронес этот крест, мужественно и целеустремленно проведя Россию от стен горящей Москвы до Парижа.

Любопытно, что Александр I не любил вспоминать о военных страницах своей жизни: об Аустерлице, о 1812 годе, о Бородинской битве, о пожаре Москвы, о сражениях с наполеоновской армией на полях Европы. Этим он коренным образом отличался от Наполеона, который до конца своих дней вспоминал проведенные им баталии. Он и в дальнейшей своей жизни не сделал войну - тяжкую и победоносную для России - мемориальным смыслом истории страны потому, что, кроме войны, - как у него самого, так и у его России - были, по его мнению, другие, более весомые жизненные ценности и война не стала ни для него, ни для страны судьбоносным императивом, определившим раз и на всегда их развитие.

Список литературы

Источники

- 1. Александр I в воспоминаниях князя Меттерниха // Гроза двенадцатого года. Документы, письма, воспоминания. М.: Молодая гвардия, 1991.
- 2. Александр I, император. Пять собственноручных его писем в 1812 г., опубликованных в журнале «Русская старина» в 1902 г. // Военский К. Отечественная война в русской журналистике. М., 2007.
- 3. Багратион П.И. Записки // Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. Л.: Наука, 1945.
- 4. Ведомость о числе душ по тем губерниям, с коих взято ополчение, с показанием числа ратников от 19 сентября 1813 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 5. Ведомость числа крестьян в губерниях, входящих в округа ополчения от 14 августа 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 6. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера // Мы были дети 1812 ода. Сб. воспоминаний. Воронеж: Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 1989.
- 7. Доклад Комитета по делам ополчений на Высочайшее имя относительно нежелания многих помещиков отпускать крестьян в ополчение от 12 сентября 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 8. Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск: Русичь, 1991.

- 9. Манифест Александра I об организации округов ополчения от 18 июля 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 10. Манифест Александра I с призывом о создании ополчения от 6 июля 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 11. Приказ военного министра М.Б. Барклая де Толли от 12 июня 1812 г. // Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. док. М., 1962.
- 12. Расписание ополчений от 18 декабря 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 13. Рескрипт Александра I М.И. Кутузову о содержании ополчения за счет казны от 18 марта 1813 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 14. Рескрипт Александра I председателю Государственного совета и Комитета министров фельдмаршалу Н.И. Салтыкову о вторжении армии Наполеона и начале военных действий от 13 июня 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 15. Указ Александра I Сенату о создании особого Комитета по делам ополчений от 31 июля 1812 года // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М.: Изд. АН СССР, 1962.
- 16. Учреждение для управления Большой действующей армией // Гроза двенадцатого года. Документы, письма, воспоминания. М.: Молодая гвардия, 1991.

Литература

- 1. Архангельский А.Н. Александр І. М., 2000.
- 2. Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. М.: Росмэн, 2005.
- 3. Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г.: Организация, управление, вооружение. М.: Наука, 1979.
- 4. Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М.: Наука, 1974.
- 5. Монахов А.Л. М.Б. Барклай де Толли и планы наступательной войны в 1811-1812 гг. // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 2001.
- 6. Мухин А.А. Отечественная война 1812 года. Иркутск, Иркутское книжное издательство, 1962.
- 7. Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М.: Росмэн, 2004.
- 8. Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3.
- 9. Портреты участников Отечественной войны 1812 г. М.: Владос, 2006.
- 10.Предтеченский А. Отечественная война 1812 года // Исторический журнал. 1941. № 7-8.
- 11.Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. Сб. ст. М., 1961.

- 12. Соловьев С.М. Император Александр І. М., 2003.
- 13. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Наука, 1988.
- 14. Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 г. Саратов, 1991.
- 15. Хартли Дж. Александр І. М., 2000.
- 16. Цветков С.Э. Александр Первый. М., 2005.